ГОДЪ **КІЕВСКІЯ** XLI.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Цѣна годовому изданію 4 руб. съ пересылкой. Выходитъ два раза въ мѣсяцъ 1 и 16 чиселъ

1902 года. № 17. 1 Сентября.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

СЛОВО

въ недѣлю 13-ую по Пятидесятницѣ.

(1-го сентября 1902 года).

Аще кто не любитъ Господа Іисуса, да дудетъ проклятъ, маранъ-аѳа. (1 Кор 16, 22).

Величественно и прекрасно зрѣлище грозы, когда среди ночного мрака сверкаетъ ослѣпительная молнія и слышатся издали раскаты грома. Но, вотъ, грозовая туча приближается все ближе и ближе, громовые удары становятся оглушительнѣе... «Святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ!“ со страхомъ и трепетомъ, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ, произноситъ набожный человѣкъ, когда вдругъ совсѣмъ близко отъ него сверкнетъ молнія и какъ будто надъ самою его головою раздастся оглушительный ударъ грома. Когда гроза далеко, мы наслаждаемся ея зрѣлищемъ; когда она близко, нами овладѣваетъ болѣе или менѣе сильное безпокойство и опасеніе, какъ бы атмосферное электричество не поразило насъ смертельнымъ ударомъ.

Однако-же, благочестивые слушатели, какъ ни страшны громъ и молнія, но несравненно ужаснѣе обыкновенной грозы громы и молніи божественнаго правосудія. Но, къ нашему несчастію, мы большею частью не замѣчаемъ ихъ, потому что, при остротѣ слуха и зрѣнія физическаго, мы слишкомъ слабы слухомъ и зрѣніемъ духовнымъ и, имѣя очи видѣти, не видимъ, и уши слышати, не слышимъ.

Я увѣренъ, что многіе изъ васъ совсѣмъ не обратили вниманія на страшный громовой ударъ, раздавшійся изъ устъ Св. апостола Павла въ сегодняшнемъ апостольскомъ чтеніи. Вотъ эти слова: *Аще кто не любитъ Господа Іисуса Христа, да будетъ проклятъ, маранъ-аѳа.* (1 Кор. 16, 22).

Что это, какъ не громъ божественнаго правосудія и гнѣва?... „Да будетъ проклятъ!...“ Обыкновенная гроза поражаетъ въ незначительномъ пространствѣ времени и мѣста, Не таково божественное проклятіе. Мы знаемъ уже, какъ это проклятіе, разъ изреченное въ раю, доселѣ сопровождается безчисленными и ужасными послѣдствіями въ нашей земной жизни, и оно погубило бы насъ и на всю вѣчность, если бы только милосердный Господь нашъ Іисусъ Христосъ не освободилъ насъ отъ этой клятвы законной, Самъ бывъ по насъ клятва. Обыкновенная гроза поражаетъ только наше бренное тѣло, которое и безъ того должно умереть, а божественное проклятіе можетъ и душу, и тѣло воврещи въ геенну... „Да будетъ проклятъ“, „анаѳема“, говоритъ Апостолъ и затѣмъ прибавляетъ: „маранъ-аѳа“, т. е. пока придетъ, отлучается отъ общенія со Христомъ и Его Церковью до втораго Его пришествія и страшнаго суда. А что-же будетъ потомъ? Какая участь постигнетъ этихъ несчастныхъ, навлекшихъ на себя божественное проклятіе?.. И речетъ имъ въ день онъ Праведный Судія: *идише отъ мене проклятіи въ огнь вѣчный... И идутъ сіи въ муку вѣчную* (Мѳ. 25, 4 и 46). Но, можетъ быть, этотъ страшный громъ божественнаго

проклятія насъ не касается? Можетъ быть, онъ гремитъ далеко-далеко отъ насъ надъ главами только такихъ нечестивцевъ, какъ напримѣръ братоубійца Каинъ, Іуда Предатель, нечестивый Иродъ, богохульникъ Арій? А мы можемъ считать себя въ полной безопасности? Такъ ли это? Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, необходимо обратить вниманіе, на кого св. апостолъ изрекаетъ проклятіе: „Аще кто не любитъ Господа Іисуса“... говоритъ онъ. Но кто же любитъ, и кто не любитъ Господа? На этотъ вопросъ отвѣчаетъ Самъ Господь: „*Имѣяй заповѣди Моя и соблюдаяй ихъ, той есть любяй Мя... Не любяй Мя словесъ Моихъ не соблюдаетъ.* (Іоан. 14, 21 и 24). Теперь понимаете, въ чемъ дѣло? Не чувствуете ли, съ какою ужасающей быстротою приближается къ намъ гроза? Кто-же изъ насъ грѣшныхъ можетъ похвалиться исполненіемъ заповѣдей Господа нашего Іисуса Христа? А если это такъ, то стало быть, мы не любимъ Его и,—страшно сказать,—громъ божественнаго правосудія гремитъ надъ самыми главами нашими: „Аще кто не любитъ Господа нашего Іисуса Христа, да будетъ проклятъ“.

Съ нами крестная сила! Святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ! Помилуй насъ, Боже, помилуй насъ по велицѣй Твоей милости! О, сладчайшій Іисусе, Владыко живота нашего, милосердный Господи! каемся мы, грѣшные, что постоянно нарушаемъ Твои святѣйшія заповѣди, не слѣдуемъ Твоему божественному ученію. Но при всемъ томъ,—ей Господи!—мы любимъ Тебя, Спасителю нашъ, всею душею, всѣмъ сердцемъ, если же и нарушаемъ Твою святую волю, то дѣлаемъ это не изъ ненависти къ Тебѣ, но по грѣховной немощи нашей.

Ниспосли же намъ, Господи, Твою благодатную силу, во еже ходити намъ по стопамъ заповѣдей Твоихъ. Мы же отнынѣ будемъ всѣми силами стараться любить Тебя не только словомъ или языкомъ, но дѣломъ и истиною. Аминь.

Протоіерей *А. Корсаковскій.*

Книга „Требникъ“ и ея значеніе въ жизни православнаго христіанина (По поводу новѣйшихъ воззрѣній на эту книгу).[1]

(*Окончаніе*).

Въ виду ничтожества и кратковременности человѣческой жизни и неожиданности смерти, которая не щадитъ ни пола, ни возраста, св. Церковь приглашаетъ всѣхъ вѣрующихъ, смотря на гробъ усопшаго, перестать думать о привременномъ. „Пріидите и видите вси странное и грозное видѣніе всѣмъ познаваемое, образъ нынѣ видимый, и никтому мудрствуйте привременная. Днесь душа отъ тѣла разлучается, къ вѣчному преставляему міру: въ путь бо идетъ, имже николиже шествова, и къ Судіи нелицепріемному, идѣже предстоятъ ангеловъ чини. Страшно бо, братіе мои, судище оно, идѣже вси предстанемъ нази: овіи убо вѣнчаеми, овіи же посрамляеми. Тѣмже возопіимъ къ безсмертному Царю: егда имаши испытати сокровенная человѣческая, пощади раба твоего, егоже пріялъ еси, Господи человѣколюбче“.

Для большаго усиленія впечатлѣнія на предстоящихъ у гроба почившаго, поэтъ христіанскій въ пѣснопѣніяхъ церковныхъ говоритъ къ нимъ отъ лица умершаго. „Зряще мя безгласна, и бездыханна предлежаща, восплачите о мнѣ, братіе и друзи, сродницы и знаеміи: вчерашній бо день бесѣдовахъ съ вами, и внезапу найде на мя страшный часъ смертный. Но пріидите вси, любящіи мя, и цѣлуйте мя послѣднимъ цѣлованіемъ: не ктому бо съ вами похожду, или собесѣдую прочее: къ Судіи бо отхожду, идѣже нѣсть лицепріятія: рабъ бо и владыка вкупѣ предстоятъ; царь и воинъ, богатый и убогій въ равнѣмъ достоинствѣ: кійждо бо отъ своихъ дѣлъ или прославится, или постыдится. Но прошу всѣхъ и молю, непрестанно о мнѣ молитеся Христу Богу, да не низведенъ

---

[1]) См. № 16-й Кіев. Еп. Вѣд.

буду по грѣхомъ моимъ на мѣсто мученія, но да вчинитъ мя, идѣже свѣтъ животный".

„Спасайся, суетный животе, спасайтеся вси, друзи, сродницы же и чада: въ путь бо иду, имже никогдаже шествовахъ. Но пріидите, помянувше мою къ вамъ любовь, послѣдуйте и гробу предадите бреніе мое сіе, и имущаго судити смиренную мою душу со слезами Христа молите, яко да огня изметъ мя неугасимаго".

„Мысленно молю услышите, съ труды бо сія и вѣщаю: *васъ бо ради сотворихъ рыданіе, негли имѣти кому къ пользѣ*. но егда сіе пѣти имате, поминайте мя иногда знаемаго. Многажды бо вкупѣ снидохомся и въ дому Божіи вкупѣ пояхомъ".

Среди погребальныхъ стихиръ мы слышимъ нерѣдко самое теплое утѣшеніе къ плачущимъ, окружающимъ гробъ почившаго, утѣшенія, исходящія опять отъ лица умершаго: „Почто мене рыдаете люто, о человѣцы; почто всуе мятетеся; преставленный всѣмъ провѣщеваетъ. Смерть бо есть всѣмъ упокоеніе: отнюдуже гласъ Іова услышимъ, глаголюща: смерть мужу покой есть".

„О мнѣ не рыдайте, плача бо ничтоже начинахъ достойное, паче же самихъ себе согрѣшающихъ плачите всегда, сродницы и друзи, умершій зоветъ младенецъ: яко да искуса не возъимете мученія".

„Что мя плачете младенца преставльшагося; лежай вопіетъ невидимо, нѣсмь бо плачевный: младенцемъ бо опредѣлися праведныхъ всѣхъ радость, достойная слезамъ не содѣлавшимъ дѣла, Христу бо воспѣваютъ".

Всѣ стихиры чиновъ погребеній полны самыхъ возвышенныхъ христіанскихъ мыслей и глубокихъ человѣческихъ чувствованій, но наибольшею нѣжностью чувства проникнуты стихиры и пѣснопѣнія въ чинѣ погребенія младенческаго. Потеря нѣжнаго любимаго дитяти, обыкновенно, болѣзненно

отзывается въ сердцѣ родителей, и св. Церковь въ своихъ пѣснопѣніяхъ стремится выразить самое горячее соболѣзнованіе безутѣшно плачущимъ родителямъ въ слѣдующихъ пѣснопѣніяхъ:

„Многажды бо предъ гробомъ сосцы біютъ и глаголютъ: о, сыне мой и чадо сладчайшее, не слышиши ли матере твоея, что вѣщаетъ; се и чрево, носившее тя, чесо ради не глаголещи, яко глаголалъ еси намъ; но тако молчиши глаголати съ нами: Аллилуія".

„О, кто не восплачетъ, чадо мое, еже отъ житія сего плачевное твое преставленіе! Яко младенецъ незрѣлый отъ матернихъ объятій, нынѣ яко птенецъ скоро отлетѣлъ еси, и къ Создателю всѣхъ избѣглъ еси.

„О, чадо, кто не восплачетъ, зря твое ясное лицо увядаемо, еже прежде, яко кринъ красный!

„О, кто не возстенетъ, чадо мое, и съ плачемъ не возопіетъ многое твое благолѣпіе и красоту жительства твоего! Якоже бо корабль слѣда не имый, сице зашелъ еси отъ очію скоро. Придите, друзи мои, сродницы и ближніи, вкупѣ со мною сего цѣлуемъ, ко гробу посылающе."

Но исчерпать всего богатства мыслей, высокаго поэтическаго вдохновенія и чистаго христіанскаго міросозерцанія, какое представляютъ обряды, молитвословія и пѣснопѣнія чиновъ христіанскаго погребенія, а равно и другихъ молитвословій по различнымъ случаямъ нашей жизни, нѣтъ никакой возможности. Желательно вѣрить, что и на основаніи представленнаго матеріала, извлеченнаго нами непосредственно изъ Требника, у людей непредубѣжденныхъ и ищущихъ истины, едвали найдется смѣлость утверждать, что эти произведенія великаго богословскаго ума и чистой христіанской поэзіи имѣютъ хоть какое нибудь сходство съ вышеприведенными образцами народнаго творчества, извѣстными подъ именемъ отреченныхъ молитвъ, заговоровъ, заклинаній и т. п. Вашему просвѣщенному уму

и вашей совѣсти предоставляемъ рѣшить вопросъ: есть ли во всемъ, что мы сказали доселѣ объ обрядахъ, чинопослѣдованіяхъ и молитвословіяхъ, содержимыхъ въ нашемъ Требникѣ, что нибудь такое, что, дѣйствительно, было бы грубо и „низменно“, полно „грубыхъ суевѣрій“, и напоминало бы народные „пріемы колдовства, приспособленные ко всѣмъ возможнымъ случаямъ жизни“? Напротивъ, дѣлать сопоставленія молитвъ, чинопослѣдованій и обрядовъ Требника съ памятниками народнаго творчества, созданнаго людьми невѣжественными, съ цѣлью эксплоатировать народную дѣтскую вѣру и слабо развитое религіозное міросозерцаніе, при полномъ непониманіи силъ природы и суевѣрномъ передъ нею страхѣ, не значитъ ли со стороны нашего писателя поступать „произвольно, неосновательно“, взводить на нашъ Требникъ завѣдомую „клевету“, скажемъ болѣе, даже „подстрекать къ дурнымъ чувствамъ и поступкамъ“ (пользуемся словами нашего писателя, обращенными къ Св. Синоду) людей мало знакомыхъ съ этою книгою, слабыхъ и неустойчивыхъ въ вѣрѣ православной, но слѣпо вѣрующихъ въ авторитетъ художника русскаго слова, когда-то умѣвшаго будить „лучшія чувства“ въ средѣ своихъ почитателей?

Въ частности, по отношенію къ чину православнаго христіанскаго погребенія, въ опроверженіе крайне грубаго издѣвательства надъ нимъ со стороны нашего маститаго писателя, возстали, неожиданно, на защиту самыя близкія лица къ нему. Въ извѣстномъ письмѣ къ высокопреосвященному митрополиту петербургскому Антонію супруга нашего писателя прямо сознается, что „горестному ея негодованію нѣтъ предѣловъ“, и, главнымъ образомъ, потому, что она узнала „о секретномъ распоряженіи Синода священникамъ—не отпѣвать въ церкви Льва Николаевича въ случаѣ его смерти“. Хорошо понимая, какого великаго утѣшенія она и прочіе члены ея семьи лишаются въ христіанскомъ погребеніи, она,

подъ впечатлѣніемъ „остраго порыва своего огорченія", въ видѣ угрозы Св. Синоду намѣревается, незаконнымъ образомъ, даже черезъ *„непорядочнаго священника"*, путемъ подкупа, „за большія деньги" добиться отпѣванія своего мужа, и молитвъ Церкви, въ чемъ никогда не отказываетъ наша Мать-Церковь никому изъ своихъ истинныхъ чадъ, какъ бы низко въ рангѣ общественнаго положенія здѣсь, на землѣ, онъ ни стоялъ, и предлагаетъ это всегда охотно и туне, даромъ. Въ этомъ случаѣ, совершеніемъ христіанскаго погребенія надъ невѣрующимъ мужемъ, она, какъ выяснилъ ей въ отвѣтѣ, исполненномъ достоинства и такта, первосвятитель русской Церкви, высокопреосвященный митрополитъ Антоній, въ порывѣ своего негодованія, она готова даже „допустить *преступную* профанацію священнаго обряда", потому что „безъ вѣры не полезна молитва". „Молитва учреждена въ Церкви, какъ говоритъ приснопамятный святитель московскій Филаретъ, *не какъ благовидный обрядъ*, но какъ духовная помощь и орудіе къ привлеченію благодати Божіей, милующей и спасающей, которой нашъ писатель „не требуетъ", и существованія которой въ Церкви онъ „не признаетъ". Но, рѣшаясь на преступную профанацію священнаго обряда, супруга нашего писателя, какъ извѣстно нынѣ изъ послѣдней его исповѣди, идетъ и вопреки, „написаннаго имъ въ завѣщаніи своимъ близкимъ", а слѣдовательно, и ей, распоряженія—„не допускать къ нему церковныхъ служителей и мертвое тѣло убрать поскорѣй", „какъ убираютъ всякую противную и ненужную вещь". Такъ велика въ человѣкѣ, воспитанномъ въ духѣ вѣры православной и непорывающимъ связи съ Церковью православною, хотя и своеобразно понимающимъ эту Церковь, потребность въ христіанской молитвѣ и въ обрядахъ нашей православной Церкви! Нужно-ли говорить о людяхъ, истинно-вѣрующихъ и глубоко-религіозныхъ, для которыхъ отсутствіе всего этого въ нашей Церкви казалось бы

непроглядною тьмою, вѣяло бы въ душу человѣка ужаснымъ холодомъ.

Всѣ мы, истинныя чада нашей Матери-Церкви, живемъ въ лучшемъ изъ міровъ, но всѣ мы—странники и пришельцы въ немъ. На долю нашу выпадаютъ отрадныя минуты блаженной радости, но, большею частью, жизнь наша проходитъ среди искушеній, бѣдъ и скорбей, и иногда, тяжелыхъ настолько, что мы падаемъ и изнемогаемъ. Какъ въ свѣтлыя минуты радостей, такъ особенно въ тяжелые дни скорбей и неудачъ, всѣ мы нуждаемся въ укрѣпляющей благодати Божіей, которая низводится въ нашу душу *по молитвамъ* св. Церкви, при помощи нашего Требника или великаго Молитвослова. Труждающійся въ потѣ лица, обремененный тяжелыми невзгодами жизни, удрученный скорбями, переживающій свѣтлыя минуты радости и семейнаго счастія—каждый найдетъ для себя отвѣтъ въ этой книгѣ, соотвѣтственно своему данному положенію и настроенію. Пусть же эта книга, обнимающая жизнь христіанина во всѣхъ ея разнообразныхъ проявленіяхъ, перестанетъ быть книгою только библіотекъ церковной и приходского пастыря, а сдѣлается настольною книгою въ домѣ каждаго православнаго христіанина, займетъ мѣсто рядомъ съ Библіею или св. Евангеліемъ. При близкомъ и всестороннемъ знакомствѣ съ содержаніемъ этой книги, глумленія надъ нею будутъ невозможны, мы лучше и сознательнѣе будемъ относиться къ христіанскимъ обрядамъ, а вмѣстѣ съ этимъ, научимся и глубже, и горячѣе любить нашу святую православную Церковь—нашу Мать кормилицу, поилицу, защитницу, покровительницу и молитвенницу до скончанія міра.

А. Дмитріевскій.

Обезпеченіе духовенства путемъ взаимопомощи[1]).

(*Окончаніе*).

Реформа нашей эмеритуры должна состоять въ томъ, чтобы нѣсколько измѣнить строй ея: необходимо учредить, какъ сказано выше, „Взаимно-страховое общество", а въ основаніе его дѣйствій положить весь капиталъ нынѣшней Взаимовспомогательной кассы, увеличенный или всѣми суммами Попечительства, или частью ихъ.

Если теперь свести къ одному знаменателю все высказанное по трактуемому вопросу, то дѣло представится намъ въ слѣдующихъ трехъ положеніяхъ: 1) духовенство Кіевской епархіи, уже свыкшееся со взносами въ существующую кассу, безъ труда будетъ дѣлать въ будущую кассу взносы не только въ нынѣшнемъ размѣрѣ, но даже и въ нѣсколько большемъ (напримѣръ, полуторные и даже двойные), ибо оно будетъ воочію видѣть не мизерную помощь отъ кассы, а существенную,—не гомеопатическія выдачи, а могущія въ дѣйствительности помочь заштатному служителю алтаря и семьѣ умершаго; 2) будущее „Взаимно-страховое общество," имѣя въ фундаментѣ своемъ солидный капиталъ не менѣе 300,000 р., будетъ имѣть полную возможность на проценты изъ этого капитала и на перечисленныя выше ежегодныя поступленія оказывать, при малыхъ взносахъ участниковъ, существенную, серьезную помощь въ видѣ солидной страховой преміи (для священниковъ не менѣе 1000 руб., для діаконовъ не менѣе 500 руб., для псаломщиковъ не менѣе 300 руб.,); 3) кромѣ такихъ солидныхъ единовременныхъ выдачъ, могущихъ надолго поддержать заштатнаго страхователя и осиротѣвшую его семью, можно будетъ выдавать, изъ остатковъ годичнаго прихода, нуждающимся дѣтямъ страхователей, небольшое, постоянное до извѣстнаго времени, пособіе, хотя бы въ количествѣ ожи-

[1]) См. Кіев. Еп. Вѣд. 1902 г. № 16.

даемой эмеритуры, т. е. 20—10—5 руб. на душу, а также временное пособіе, особенно нуждающимся бѣднякамъ, сообразно остатку страховыхъ суммъ.

Все высказанное—не эфемерная мечта, а основано на серьезныхъ соображеніяхъ. Перспектива такого взаимнаго страхованія самая твердая, ибо основной и резервный капиталы его не предполагаютъ уменьшенія, а напротивъ, нѣкоторое даже увеличеніе въ виду выдачъ въ иныхъ случаяхъ половинной страховой суммы и въ виду того, что возвратъ вкладовъ фундаторамъ нынѣшней Взаимно-вспомогательной кассы съ годами будетъ уменьшаться, и наконецъ, совсѣмъ прекратится, послѣ чего вся сумма возврата (4.800 руб.) станетъ „плюсомъ" для капиталовъ страховой кассы.

Изложивши свои взгляды на трактуемый вопросъ и высказавши основанія для предположеннаго рѣшенія его, мы приведемъ цифровые примѣры проектируемой постановки дѣла. Но предварительно мы считаемъ не лишнимъ остановиться на тѣхъ, предвидимыхъ нами, возраженіяхъ, которыя должны явиться у многихъ читателей. Оговариваемся при этомъ, что возможность появленія всякихъ возраженій противъ предлагаемой организаціи дѣла не только не нежелательна намъ, но прямо необходима, ибо всякій вопросъ выяснится только тогда, если, при рѣшеніи его, представляются всевозможныя pro и contra соображенія, если вопросъ освѣщается всесторонне. Съ этой точки зрѣнія возраженія и добросовѣстная критика предполагаемаго проекта необходимы.

Прежде всего, конечно, явятся возражателями—и весьма основательными—тѣ лица духовенства, которыя уже заключили страхованіе въ разныхъ частныхъ обществахъ. Они скажутъ, что лично имъ свое страхованіе не нужно, ибо они уже обезпечены, а дважды страховаться не будутъ во избѣжаніе лишнихъ расходовъ. Такимъ возражателямъ можно, во-1-хъ, напомнить, что выдвигать при рѣшеніи столь глу-

бокаго, въ великой мѣрѣ альтруистическаго, вопроса соображенія исключительно эгоистическаго характера; что благу общему, благу всей корпораціи, противополагать съ неумолимой настойчивостью благо личное—это является поступкомъ такого типа, относительно котораго не можетъ быть двухъ противоположныхъ мнѣній... Во 2-хъ, тѣмъ же возражателямъ можно указать на то, что для нихъ и въ денежномъ отношеніи опасность не такъ велика, какъ кажется: кто можетъ и захочетъ, тотъ сохранитъ и существующее частное страхованіе, и войдетъ въ свое, „Взаимное"; кто же не въ силахъ этого сдѣлать, тотъ всегда можетъ, на основаніи уставовъ частныхъ обществъ, ликвидировать свое прежнее страхованіе, потребовавъ отъ частнаго общества безплатный полисъ на сумму произведенныхъ платежей и прекративши дальнѣйшій платежъ преміи. Поступивши такъ, членъ „Взаимно-страхового общества" будетъ имѣть право и на свой, епархіальный, капиталъ, и на капиталъ по безплатному полису, т. е. онъ или семья его будутъ обезпечены вдвойнѣ.

Могутъ, далѣе, возразить, что въ частномъ обществѣ можно застраховаться въ какую угодно сумму, а въ своемъ только въ опредѣленную. Но такіе возражатели пусть твердо помнятъ, что частное общество не приметъ больныхъ, слабыхъ людей, а свое общество приметъ *всѣхъ*, кромѣ уже престарѣлыхъ. А если бы кто нашелъ возможнымъ платить въ годъ болѣе 25—12—8 руб., то онъ всегда можетъ застраховаться и въ частномъ обществѣ еще на тысячи 2—3—5; одно другому не мѣшаетъ, лишь бы частное общество согласилось принять такого „заможнаго" страхователя по состоянію его здоровья.

Могутъ быть также возраженія, что суммы застрахованныя малы (1000 руб.—500 р.—300 руб); но это возраженіе снова заведетъ насъ въ волшебный кругъ, въ которомъ большія выдачи при малыхъ страховыхъ преміяхъ абсолютно не-

возможны, почему нужно остановиться на такихъ суммахъ, а не возлагать на всѣхъ участниковъ платежа премій, превосходящихъ платежную способность большинства. Впрочемъ, нужно оговориться, что указанный недостатокъ нашего проекта, т. е. сравнительная незначительность выдачъ, въ будущемъ исправима: если предлагаемая практика укоренится, и всѣ участники со своими семьями восчувствуютъ ощутительную помощь отъ „Взаимно-страхового общества", то кто помѣшаетъ всѣмъ участникамъ, въ обычныхъ своихъ съѣздахъ, повысить ежегодныя преміи съ цѣлью увеличить выдаваемыя страховыя суммы? Да кромѣ того, настоящее возраженіе теряетъ много своей силы потому, что недостаточность страховыхъ выдачъ восполняется пособіемъ дѣтямъ вкладчиковъ, т. е. функціей эмеритуры, а такой поддержки осиротѣвшей семьи, по числу душъ въ ней, не сдѣлаетъ ни одно частное страховое общество.

Наконецъ, можетъ быть и такое возраженіе, что вообще „неудобно" уничтожать существующее „Взаимно-вспомогательное общество", уже заведенное, а въ замѣнъ его водворять новшество. Но это возраженіе—самое несильное, ибо 1) Взаимно-вспомогательное общество очень многихъ не удовлетворяетъ и мизерностью своихъ выдачъ, и непрекращаемостію платежей; 2) изъ практики дѣлопроизводства въ существующемъ обществѣ мы можемъ засвидѣтельствовать, что было нѣсколько случаевъ обращенія въ общество „за пособіемъ", очевидно, потребность въ такого рода пособіяхъ есть,— и предлагаемымъ проектомъ выдачи, кромѣ страховыхъ суммъ, еще и пособій духовенство пойдетъ на встрѣчу указанной потребности; 3) Взаимно-воспомогательное общество еще не дѣйствуетъ по выдачѣ пенсій и уничтоженіе его не произведетъ никакой ломки; новое же, болѣе цѣлесообразное, „Взаимно—страховое общество" можетъ быть введено какъ разъ къ концу текущаго 10-лѣтія образованія эмеритальнаго ка-

питала и явится, такимъ образомъ, какъ бы продолженіемъ существующаго общества, но продолженіемъ, такъ сказать, „исправленнымъ и дополненнымъ". Да и вообще, настоящее возраженіе можетъ быть выдвинуто людьми „формы", а не „духа", людьми инертными, полагающими сущность дѣла въ его неподвижности, боящимися всякаго новшества и тщательно цѣпляющимися за существующій строй дѣла единственно потому, что онъ „существуетъ"...

Въ концѣ настоящей статьи остается изложить схему будущаго веденія дѣла, по учрежденіи предлагаемаго „Взаимно-страхового общества духовенства Кіевской епархіи":

Приходъ.

I. Священники платятъ ежегодно: до достиженія 45 лѣтъ (примѣрно 600 человѣкъ) по 25 руб., а по достиженіи 45 лѣтъ (примѣрно 700 человѣкъ) по 20 руб.;—отъ всѣхъ ихъ получается ежегодно 29.000 руб. Діаконы платятъ ежегодно: до 45 лѣтъ (примѣрно 100 человѣкъ) по 12 руб., а по достиженіи 45 (примѣрно 100 человѣкъ) по 10 руб.;—отъ всѣхъ ихъ получается ежегодно 2.200 руб. Псаломщики платятъ ежегодно: до 45 лѣтъ (примѣрно 800 человѣкъ) по 8 руб., а по достиженіи 45 лѣтъ (примѣрно 600 человѣкъ) по 5 руб.;—отъ всѣхъ ихъ получается ежегодно 9.400 руб. Всего же взносовъ отъ вкладчиковъ получается ежегодно 40.600 руб.

II. Процентовъ ежегодно получается съ неприкосновеннаго капитала (300.000 руб.), считая при практикуемыхъ нынѣ ссудахъ въ среднемъ выводѣ изъ 5%—15.000 руб. Процентовъ же съ ежегодной суммы страховыхъ премій, собираемой къ началу года и постепенно расходуемой, получается 1.000 руб.

III. Взносъ отъ церквей дастъ ежегодно 10.000 руб.

IV. Пособіе отъ Епархіальнаго свѣчного завода дастъ 10.000 руб.

Итого по всѣмъ основнымъ четыремъ статьямъ прихода получается сумма въ 75.600 руб.

Расходъ.

I. Выбывающимъ священникамъ и семьямъ умершихъ (въ общемъ числѣ 35 человѣкъ, по 1000 руб.) выдается ежегодно 35.000 руб. Выбывающимъ діаконамъ и семьямъ умершихъ (въ общемъ числѣ 6 человѣкъ, по 500 руб.) выдается ежегодно 3.000 руб. Выбывающимъ псаломщикамъ и семьямъ умершихъ (въ общемъ числѣ 40 человѣкъ, по 300 руб.) выдается ежегодно 12.000 руб.—Всего же выдается по этой статьѣ 50.000 руб.

II. Возращаются всѣмъ лицамъ, содѣйствовавшимъ образованію основного капитала, ихъ взносы безъ процентовъ: священникамъ 3.500 руб., діаконамъ 300 руб. и псаломщикамъ 1000 руб.—Всего по этой статьѣ 4.800 руб.

III. Отчисляется на расходы по веденію дѣла: почтовые, канцелярскіе, жалованье служащимъ и проч.—всего 2000 руб.

IV. Выдается, въ видѣ эмеритурныхъ пособій, дѣтямъ умершихъ страхователей ежегодно въ среднемъ выводѣ 10.000 руб.

Итого по четыремъ статьямъ расхода предвидится 66.800 руб., за вычетомъ которыхъ изъ общаго прихода останется сумма почти въ 10.000 руб. Эта послѣдняя сумма (10.000 р.) должна служить ежегоднымъ резервнымъ капиталомъ, который назначается на пополненіе въ иные годы увеличенныхъ расходовъ, вслѣдствіе большаго, противъ предполагаемаго, выбытія числа членовъ—страхователей. Въ случаѣ бы такого неожиданнаго увеличенія страховыхъ выдачъ въ извѣстномъ году не послѣдовало, то изъ указаннаго резервнаго капитала выдаются еще особыя пособія, сверхъ поименованныхъ въ п. IV, вдовамъ и дѣтямъ страхователей въ случаяхъ крайней нужды, по удостовѣреніямъ благочинническихъ совѣтовъ въ

дѣйствительности критическихъ обстоятельствъ данной семьи. А если бы этотъ резервный капиталъ или часть его не были въ извѣстномъ году вообще израсходованы, то все оставшееся причисляется къ общему резервному фонду „Взаимно-страхового общества", проценты съ котораго должны итти на увеличеніе общей суммы процентовъ со всѣхъ капиталовъ общества.

Чтобы еще яснѣе представить читателямъ выгоды предлагаемаго проекта, мы приведемъ для иллюстраціи нѣсколько конкретныхъ примѣровъ.

Предлагаемый проектъ безусловно выгоденъ и полезенъ, напримѣръ, священнику 25 лѣтъ, имѣющему состоять на службѣ лѣтъ 30: онъ уплатитъ 700 руб., а получитъ 1000 р. Выгодно такое страхованіе и діакону 30 лѣтъ, который будетъ на службѣ лѣтъ 25: онъ уплатитъ за это время 280 руб., а получитъ 500 р. Выгодно это страхованіе и псаломщику 20 лѣтъ, имѣющему служить 30 лѣтъ: онъ уплатитъ 210 руб., а получитъ 300 руб. Кромѣ же сихъ выдачъ, такіе страхователи пріобрѣтаютъ права и для своихъ дѣтей, если они есть, въ видѣ обычныхъ, постоянныхъ и экстренныхъ пособій на каждую душу. Всѣ выгоды, представленныя въ приведенныхъ примѣрахъ, становятся еще болѣе ощутительными и безспорными, если сократить сроки службы страхователей: священно и церковно-служитель, платящій страховыя преміи въ теченіе болѣе короткаго времени, чѣмъ 30—35 лѣтъ, получаетъ опредѣленный страховой капиталъ, а дѣти его—то же пособіе. Единственно, кому не принесетъ явной пользы (въ смыслѣ излишка полученія противъ своихъ взносовъ) такое страхованіе—это лицамъ долголѣтнимъ: они получатъ въ общемъ такую же сумму, какую и взнесли. Напримѣръ, священникъ 25 лѣтъ, служившій до 75 лѣтъ, послѣ чего взносы его прекращаются, сдѣлаетъ страховыхъ взносовъ 1000 руб. и получитъ ту же 1000 руб. Но это явленіе еще не бѣда, ибо во1-хъ,

великъ духовный обликъ одного стараго священника, служившаго въ Кіевѣ (нынѣ покойнаго), который, переплативъ за свою долгую жизнь въ частное страховое общество сумму бо́льшую имѣвшей быть полученной,—съ удовольствіемъ и радостью говорилъ о своемъ долголѣтіи: „Ну и слава Богу, что живу: это мнѣ лучшая страховая премія!“ Во 2 хъ же, платежи въ свое Взаимно-страховое общество, будучи обязательны до извѣстнаго возраста, служатъ, съ одной стороны, средствомъ, дисциплинирующимъ характеръ и пріучающимъ человѣка къ извѣстной обязанности, а съ другой стороны—средствомъ изъ небольшихъ взносовъ сберечь себѣ или семьѣ немалую сумму.

Вотъ въ какомъ видѣ представляется намъ возможнымъ устроить серьезное (единовременное и длительное) обезпеченіе какъ заштатныхъ лицъ, такъ и семействъ умершихъ священно и церковно-служителей Кіевской епархіи,—обезпеченіе болѣе солидное, чѣмъ теперешняя эмеритура вмѣстѣ съ епархіальнымъ Попечительствомъ. И если бы этотъ нашъ проектъ показался и читателямъ удобопріемлемымъ, цѣлесообразнымъ, то духовенству слѣдовало бы *немедленно* добиться разрѣшенія обсудить этотъ проектъ на ближайшемъ съѣздѣ. На съѣздѣ можно чѣмъ либо дополнить проектъ, еще лучше разработать его съ такимъ разсчетомъ, чтобы предлагаемое „Взаимно-страховое общество“ вызвать къ жизни чрезъ два года, т. е. къ тому времени, когда капиталъ нынѣшней эмеритальной кассы будетъ не менѣе 250 тысячъ руб., и когда имѣютъ начаться операціи по выдачѣ пенсій. Мы считаемъ этотъ срокъ, т.е. два года, единственно удобнымъ для введенія „Взаимнаго страхованія“, ибо послѣ двухъ лѣтъ, т. е. съ открытіемъ пенсіонныхъ операцій, введеніе чего бы то ни было другого вмѣсто эмеритальной кассы или на ряду съ эмеритальной кассой вызоветъ такія трудности, такія осложненія, потребуетъ такого напряженія платежныхъ силъ, какихъ теперь

и въ поминѣ нѣтъ. *Пропустить теперешній моментъ—большая утрата и великій тормазъ всякаго начинанія въ этомъ направленіи.* Таково наше искреннее и глубокое убѣжденіе.

Что же касается отношенія Его Высокопреосвященства къ вопросу обезпеченія, то вполнѣ можно быть увѣреннымъ въ отеческомъ попеченіи его о духовенствѣ, ибо еще въ 1877 году, въ бытность свою въ Подольской епархіи, Владыка Митрополитъ проявилъ заботу объ обезпеченіи лицъ духовнаго званія: онъ учредилъ особый комитетъ для выработки основаній вводимой тогда епархіальной эмеритуры. Посему можно быть твердо увѣреннымъ, что милостивый Архипастырь и на сей разъ окажетъ возможное содѣйствіе предлагаемому предпріятію, могущему дать существенную помощь заштатнымъ и сиротствующимъ лицамъ духовнаго званія.

Заканчиваемъ свою статью изреченіемъ: Feci, quod potui; faciant meliora potentes...

Валеріанъ Костецкій.

Епархіальная хроника.

— 15 августа Кіево-Печерская Лавра торжественно праздновала престольный праздникъ своей Великой Церкви. Накануне праздника всенощное бдѣніе совершалъ Высокопреосвященный священно-архимандритъ Лавры, митрополитъ Кіевскій и Галицкій Ѳеогностъ, въ сослуженіи преосвященныхъ викаріевъ: Платона, епископа Чигиринскаго и Агапита, епископа Уманскаго, шести архимандритовъ и шести іеромонаховъ. Всенощное бдѣніе началось въ $5^1/_2$ час. веч. и окончилось около 11 ч. в. Въ самый день праздника крестный ходъ вокругъ Лавры совершалъ преосв. Агапитъ, епископъ Уманскій. Позднюю литургію совершалъ Высокопреосв. Ѳеогностъ, митрополитъ Кіевскій и Галицкій, въ сослуженіи преосв.

Платона, епископа Чигиринскаго, шести архимандритовъ и шести іеромонаховъ. Въ совершенномъ послѣ литургіи молебнѣ принялъ участіе также преосв. Агапитъ, епископъ Уманскій. По окончаніи молебна Лаврою предложена была собравшимся гостямъ трапеза, къ которой были приглашены начальникъ края, начальникъ губерніи, профессора академіи, начальствующіе въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ и высшее духовенство г. Кіева.

Памяти новопреставленныхъ пастырей Кіевской епархіи.

— 22 апрѣля с. г. скончался священникъ с. Яновки Радомысльскаго уѣзда *о. Георгій Максимовичъ Архиповичъ*. Сынъ священника, почившій, по окончанія семинарскаго курса въ 1865 г., состоялъ учителемъ церковно-приходской школы въ 1865—6 г. въ с. Ташлыкѣ Черкасскаго уѣзда, а въ 1866—7 г. въ с. Калиновой того же уѣзда. 30 іюня онъ былъ рукоположенъ во священника с. Озерянъ Радомысльскаго уѣзда, гдѣ оставался до 1898 г. 17 ноября, когда, по прошенію, былъ перемѣщенъ въ с. Яновку того-же уѣзда. Имѣлъ награды: набедренникъ (1875 г.), скуфью (1892 г) и камилавку (1898 г.); состоялъ членомъ благочинническаго совѣта. Миръ душѣ почившаго собрата!

— 12 мая с. г. скончался священникъ с. Яблоновки Звенигородскаго уѣзда *Гавріилъ Филипповичъ Смицкій*. Сынъ священника (род. 26 марта 1838 г. въ с. Денисовичахъ Радомысльскаго уѣзда), почившій, по окончаніи курса Кіевской духовной семинаріи въ 1861 г., 31 іюля 1862 г. былъ рукоположенъ во священника къ церкви м. Ставищъ Сквирскаго уѣзда, гдѣ служилъ до 16 октября 1870 г., когда былъ перемѣщенъ въ с. Яблоновку, Звенигородскаго уѣзда, на мѣсто

своего отца. Имѣлъ награды: набедреникъ (1871 г.), скуфью (1879 г.), камилавку и наперсный крестъ (1900 г.); проходилъ должность духовнаго слѣдователя. Миръ душѣ его!

— 15 мая скончался священникъ с. Вильна Радомысльскаго уѣзда *Василій Θедоровичъ Цивчинскій*. Сынъ священника, почившій, по окончаніи семинарскаго курса, 22 августа 1858 г. былъ рукоположенъ во священника къ Петропавловской церкви с. Копылова, гдѣ служилъ до 22 августа 1862 года, когда былъ переведенъ, по прошенію, къ Михайловской церкви с. Вильна. Почившій имѣлъ слѣдующія награды: набедренникъ (1889 г.), скуфью (1892 г.) и камилавку (1900 г.); кромѣ того неоднократно получалъ благословеніе епархіальнаго Архипастыря и Св. Синода за ревностное усердіе къ храму и народному образованію. Миръ душѣ его!

— 29 мая почилъ о Бозѣ священникъ с. Яновки Кіевскаго уѣзда *Фавстъ Авдіевичъ Новиковскій*. Сынъ почетнаго личнаго гражданина, почившій, по окончаніи семинарскаго курса въ 1894 г., былъ учителемъ въ с. Мотовиловкѣ (1894 г.) и с. Насташкѣ Васильковскаго уѣзда (1896); въ 1897 г. былъ рукоположенъ во священника въ с. Степокъ Сквирскаго уѣзда, отсюда 20 августа 1900 г. былъ перемѣщенъ въ с. Яновку. Миръ душѣ почившаго!

— 27 іюня почилъ о Бозѣ священникъ с. Коржевой Уманскаго уѣзда *Стефанъ Васильевичъ Захарьевичъ*. Сынъ священника, почившій, по окончаніи семинарскаго курса въ 1850 г., 1 іюля того же года былъ рукоположенъ во священника къ Михайловской ц. села Пенязевичей Радомысльскаго уѣзда, откуда 23 сентября 1872 г. былъ перемѣщенъ въ с. Коржевую. Почившій имѣлъ слѣдующія награды: набедренникъ (1862 г.), скуфью (1883 г.), камилавку (1892 г.) наперсный крестъ (1898 г.) и въ 1900 г. получилъ орденъ св. Владиміра 4 ст. по случаю 50-лѣтія своего священнослуженія. Миръ душѣ почившаго!

— 1 іюля скончался одинъ изъ старѣйшихъ священнослужителей епархіи, протоіерей с. Яцекъ Васильковскаго уѣзда *Михаилъ Авксентіевичъ Вышинскій*. Сынъ священника, почившій, по окончаніи семинарскаго курса въ 1849 г., 6 августа того же года былъ рукоположенъ во священника къ церкви Яшвотова Таращанскаго уѣзда, а 11 апрѣля 1850 г. былъ перемѣщенъ, по прошенію, въ г. Черкассы къ Михайловской церкви, откуда 11 февраля 1856 г., по случаю волненія крестьянъ, указомъ Св. Синода былъ перемѣщенъ въ с. Яцки Васильковскаго уѣзда къ Николаевской церкви, гдѣ за отличное исполненіе пастырскихъ обязанностей м. Арсеніемъ 10 марта 1863 г. былъ награжденъ набедренникомъ. Почившій имѣлъ, кромѣ того, награды: скуфью (1872 г.), камилавку (1879 г.), наперсный крестъ (1888 г.), орденъ св. Владиміра 4 ст. (1900 г.), а также получалъ неоднократно изъявленія благодарности, благословеніе Св. Синода и книгу „Библія", отъ Св. Синода выдаваемую. Въ теченіи многихъ лѣтъ исполнялъ обязанности благочиннаго. Миръ душѣ почившаго!

— 12 іюля скончался волею Божіей священникъ с. Талдыка Черкасскаго уѣзда, *Петръ Михайловичъ Баккалинскій*. Сынъ псаломщика, почившій, по окончаніи семинарскаго курса въ 1865 г., былъ рукоположенъ въ 1867 г. во священника с. Авраамовки Липовецкаго уѣзда, гдѣ оставался до 1870 года, когда былъ переведенъ, по прошенію, въ с. Талдыкъ. Почившій имѣлъ награды: набедренникъ (1880 г.), скуфью (1891 г.) и камилавку (1890 г.); исполнялъ обязанности члена благочинническаго совѣта и заботился о школѣ. На погребеніе почившаго собралось почти все окружное духовенство во главѣ съ благочиннымъ, протоіереемъ А. Михалевскимъ. Во время отпѣванія были произнесены рѣчи прот. А. Михалевскимъ и священниками: С. Ромодановымъ и І. Григоровичемъ. Послѣ смерти почившаго осталась многочисленная

семья—12 душъ дѣтей, изъ коихъ 7 человѣкъ еще совершенно не устроены. Миръ душѣ почившаго!

— 10 іюля волею Божіей скончался священникъ с. Почуекъ Сквирскаго уѣзда *Іоанникій Іоакимовичъ Левитскій*. Сынъ дьячка, почившій, по окончаніи семинарскаго курса въ 1875 г., былъ рукоположенъ въ 1876 году во священника с. Яновки Радомысльскаго уѣзда, откуда 10 апрѣля 1893 г. былъ перемѣщенъ въ с. Круподерницы Бердичевскаго уѣзда, а 30 августа того же года былъ назначенъ священникомъ с. Почуекъ. Имѣлъ награды: набедренникъ (1892 г.) и скуфью (1900 г.) и былъ помощникомъ благочиннаго (1892—3 г.). Миръ душѣ почившаго!

— Въ воскресенье, 4-го августа, утромъ умеръ діаконъ Свято-Троицкой церкви м. Шполы о. *Іоаннъ Александровичъ Ципріановичъ*. Покойный, по увольненіи изъ 3-го класса Кіевской дух. семинаріи въ 1846 году, былъ въ теченіи семи лѣтъ пѣвчимъ въ хорѣ Кіевскаго митрополита Филарета. 15 марта 1853 года онъ былъ рукоположенъ во діакона къ Свято-Преображенской церкви м. Смѣлы, Черкаскаго уѣзда преосвященнымъ Аполлинаріемъ, епископомъ Чигиринскимъ. Въ 1864 году, по прошенію, онъ былъ перемѣщенъ къ Троицкой церкви м. Шполы, Звенигородскаго уѣзда, гдѣ безпрерывно прослужилъ до самой смерти. Покойный имѣлъ двѣ серебряныя медали.

Умеръ о. Іоаннъ 73-хъ лѣтъ отъ роду, прослуживъ въ діаконскомъ санѣ 50 лѣтъ безъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, отъ старческаго ослабленія силъ. „Въ молодыхъ лѣтахъ, какъ сообщаетъ А. Михалевскій, І. А. Ципріановичъ обладалъ хорошимъ басомъ и музыкальнымъ слухомъ и посему много способствовалъ красотѣ богослуженія. Но и въ послѣдніе годы своей жизни, когда голоса уже не было и физическія силы съ каждымъ годомъ постепенно упадали, онъ продолжалъ пользоваться неизмѣнною любовью всѣхъ родныхъ и близко

знавшихъ его и глубокимъ уваженіемъ всего прихода, потому что главныя достоинства его, какъ священнослужителя и человѣка, были: смиреніе, простота сердца, кротость и снисходительность къ ближнему, при общительности характера".

„Погребеніе тѣла о. Іоанна совершено 6 августа около 2-хъ часовъ по полудни. Чинъ погребенія совершали пять священниковъ во главѣ съ благочиннымъ, мѣстнымъ священникомъ о. Александромъ Гродзинскимъ, при одномъ діаконѣ. Одинъ изъ участвовавшихъ въ погребеніи священниковъ—о. Іоаннъ Гордіевскій произнесъ прочувствованную рѣчь. Гробъ окружали дѣти и внуки почившаго. Храмъ былъ полонъ молящихся прихожанъ, среди которыхъ была значительная часть мѣстной интеллигенціи. Тѣло о. Іоанна похоронено въ оградѣ церкви, при которой онъ прослужилъ почти 40 лѣтъ.

Да упокоитъ Господь душу его въ своемъ небесномъ царствіи!"

ИЗЪ ИНОЕПАРХІАЛЬНЫХЪ ИЗВѢСТІЙ

Церковно-практическія указанія: 1) о погребеніи въ церковныхъ оградахъ и 2) объ именныхъ иконахъ новорожденнымъ.

Въ числѣ церковно-практическихъ вопросовъ, вызывающихъ необходимость въ разъясненіи, Орловскія Епарх. Вѣдомости отмѣчаютъ вопросъ о погребеніи въ церковныхъ оградахъ. Вотъ что пишетъ объ этомъ С. М. А. въ № 28.

Вопросъ о погребеніи въ церковныхъ оградахъ точно и опредѣленно рѣшенъ сѵнодальными распоряженіями.

Первое изъ этихъ распоряженій, изложенное въ указѣ Св. Сѵнода отъ 12 апрѣля 1833 г., гласитъ: 1) при церквахъ, внутри города состоящихъ, погребеніе тѣлъ не дозволять: 2) при церквахъ, находящихся въ селеніяхъ, но не въ самыхъ церквахъ, дозволять погребеніе тѣлъ мѣстныхъ протоіереевъ

и священниковъ, честно и безпорочно проходившихъ свое служеніе и христіански скончавшихся, и 3) погребеніе прочихъ лицъ при церквахъ въ селеніяхъ допускать сколь можно рѣже и не иначе, какъ по особому разрѣшенію архіерея и по самымъ уважительнымъ причинамъ, какъ то: въ благодарность создавшему храмъ своимъ иждивеніемъ, или обезпечившему содержаніе причта и притомъ имѣвшему житіе благозаконное и кончину непостыдную. Далѣе, указомъ Св. Сvнода отъ 22 сентября 1882 г., за № 1690, дано было знать по духовному вѣдомству, что и со стороны Министерства Внутреннихъ Дѣлъ не встрѣчается препятствій къ дозволенію погребать умершихъ при сельскихъ церквахъ, *на основаніяхъ, указанныхъ Св. Сvнодомъ* въ указѣ 1833 года. Узаконеніе о непогребеніи мертвыхъ относится и къ *монастырямъ, за исключеніемъ тѣхъ, въ которыхъ погребеніе мертвыхъ издавна продолжается* съ вѣдома самаго правительства и вошло въ обычай, на которомъ основались благочестивые обѣты и завѣщанія лицъ семействъ; въ такихъ монастыряхъ, но не въ закрытыхъ и обращенныхъ въ приходскія церкви или получившихъ по закрытіи другое назначеніе, дозволяется погребать мертвыя тѣла по прежнему, но съ тѣмъ, чтобы соблюдались необходимыя медицинскія предосторожности. (*Примѣч.* къ 925 стр. Врач. Уст.).

Изъ приведенныхъ постановленій и роспоряженій явствуетъ, насколько рѣдки и исключительны должны быть случаи разрѣшенія погребенія въ оградахъ,—если даже мѣстныхъ протоіереевъ и священниковъ предоставляется погребать не всѣхъ, а лишь честно и безпорочно проходившихъ свое служеніе и хрістіански скончавшихся. Относительно же погребенія частныхъ лицъ указываются только два случая или основанія къ разрѣшенію: для тѣхъ, кто создалъ храмъ *своимъ иждивеніемъ*, и кто *обезпечилъ* содержаніе причта. Представляется нѣсколько не яснымъ, повидимому, второе изъ усло-

вій,—обезпеченіе причта, почему, вѣроятно, и бывали случаи разрѣшенія погребенія въ оградахъ со взносомъ 100 или 200 рублей, если деньги эти или часть ихъ поступали въ пользу причта, содѣйствуя такимъ образомъ увеличенію средствъ содержанія или обезпеченія его. Но такой взглядъ былъ бы невѣренъ уже потому, что не было бы никакого соотвѣтствія этого второго условія съ первымъ. Какъ въ первомъ условіи созданіе храма есть дѣло законченное, цѣльное само себѣ довлѣющее, такъ и во второмъ условіи—обезпеченіе содержанія причта, очевидно, нужно понимать прежде всего какъ всецѣлое, такое, при которомъ причтъ можетъ существовать на это именно обезпеченіе, хотя бы не было другихъ источниковъ для его содержанія, и уже, по меньшей мѣрѣ, это должно быть такое обезпеченіе, которое существенно улучшаетъ матеріальное благосостояніе церковнаго причта въ видѣ вклада на вѣчное время. Очевидно, то, что дается въ заслугу честно и безпорочно прослужившимъ и только іереямъ и протоіереямъ или храмосоздателямъ, какъ лицамъ достойнымъ памяти и имѣющимъ историческое значеніе въ судьбахъ прихода, не должно быть доступно всякому за нѣкоторую небольшую сумму. Слѣдовательно, погребеніе мірянъ въ оградахъ со взносомъ 100—200 р. лишало бы существующее о семъ постановленіе истиннаго его нравственнаго значенія, именно какъ средства оказать достойную честь заслужившимъ того, утвердить память о нихъ въ сознаніи прихожанъ и сдѣлать болѣе удобнымъ молитвенное о нихъ воспоминаніе.

Приходскіе священники хорошо бы сдѣлали, если бы разъясняли прихожанамъ условія погребенія въ оградахъ и тѣмъ предохраняли бы себя отъ непріятностей, съ которыми нерѣдко бываетъ сопряженъ отказъ въ погребеніи въ церковныхъ оградахъ такихъ лицъ, которые не пріобрѣли на то права. Это тѣмъ болѣе необходимо, что разсмотрѣніе и оцѣнка условій, при ко-

торыхъ можетъ быть совершено погребеніе въ оградахъ предоставляются самому причту, такъ какъ Преосвященный, получая часто телеграммами съ оплаченнымъ отвѣтомъ просьбы о разрѣшеніи, по неимѣнію всѣхъ данныхъ для окончательнаго рѣшенія вопроса, допускаетъ разрѣшеніе погребать, *если не окажется законныхъ препятствій*.

Годъ тому назадъ въ 24 № „Церковныхъ Вѣдомостей“ была помѣшена статья объ „именныхъ иконахъ“ не безызвѣстнаго въ духовной литературѣ епархіальнаго миссіонера Херсонской епархіи М. А. Кальнева, гдѣ онъ рекомендуетъ православному духовенству при каждомъ случаѣ крещенія младенца выдавать ему въ благословеніе и иконку того угодника Божія, имя котораго младенецъ получилъ.

Редакція Кіевскихъ Епарх. Вѣд. въ иноепархіальной хроникѣ № 12 с. г. уже отмѣтила указаніе одного пастыря Черниговской епархіи, какъ онъ пользовался именными иконами въ своей приходской практикѣ. А вотъ и еще объ тѣхъ же иконахъ, со словъ Новгородскихъ Еп. Вѣдомостей, № 13 с. г. С. М. И. на страницахъ этихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей дѣлится впечатлѣніями, полученными какъ отъ самыхъ иконокъ, такъ равно и отъ раздачи ихъ въ теченіи прошедшаго года.

„Печатаніе иконъ предпринято въ Одессѣ Аѳонскимъ Ильинскимъ скитомъ при своемъ Одесскомъ подворьѣ съ 1897 года. Самая икона представляетъ изъ себя изображеніе святого въ краскахъ, съ бордюромъ кругомъ, наклеенное на прочный картонъ; внизу лицевой стороны день его памяти и тропарь. На оборотѣ краткое житіе угодника и на нижней половинѣ такая форма записи.

Благословеніе . . . . церкви, села. . . . . губерніи . . . . уѣзда . . . . родился . . . . . года. . . . мѣсяца . . . . числа. Воспріемники были: . . . . Священникъ . . . . . .

Размѣръ всѣхъ иконъ одинаковъ: 4×3 вер. Обыкновенно предъ крещеніемъ дѣлаешь надпись на оборотѣ иконки, а по окончаніи таинства, послѣ лобзанія Св. Креста, благословляешь новопросвѣщеннаго иконою. Какъ дѣло—новое, изданіе иконокъ имѣетъ нѣкоторые недочеты, что надѣемся будетъ устранено при дальнѣйшемъ веденіи дѣла, если духовенство сочувственно отнесется къ предпріятію.

1. Всего въ продажѣ имѣется около 165 изображеній. Это мало. Нѣтъ, напр., св. Василія Великаго, Анны прор. (3 февр.); совершенно нѣтъ именъ Ѳеодора, Симеона, а между тѣмъ есть Сильвестръ (2 янв.), Ефремъ (28 янв.), Зосима (17 апр.), Онуфрій (12 іюня), Ааронъ (20 іюля), Кипріанъ (31 авг.), Гурій, Самонъ и Авивъ (15 нояб.) и Климентъ (25 нояб.). При выпискѣ такимъ образомъ необходимо выбрать по каталогу.

2) Попадаются иконы разныхъ святыхъ, печатанныя однимъ камнемъ. Особенно это неудобно, когда эти святые рядомъ: напр., препод. Прокопій Декаполитъ и Василій Исповѣдникъ (27 и 28 февр.). Иконки разнятся только надписями и житіемъ. Препод. Домникія указана на иконкѣ 28 февр., а память ея—1 марта. Неудачны композиціи изображеній княгини Ольги, муч. Параскевы пятницы, Александра Невскаго.

Однако дѣло заслуживаетъ полнаго сочувствія какъ по пользѣ, такъ и по дешевизнѣ. Каждая иконка стоитъ 4 коп. (если брать болѣе 100), да пересылка изъ Одессы въ отдаленныя губерн. 250—300 ик. стоитъ 1 р. 40 к., такъ что на 5 руб. иконъ хватитъ на цѣлый годъ.

Въ своемъ приходѣ мы ввели безплатную раздачу именныхъ иконъ. Средства достали продажею картинъ религіозно-нравственнаго содержанія, изданныхъ тѣмъ же Скитомъ, издателемъ Фесенко и др. Населеніе отнеслось къ дѣлу очень сочувственно. Мы видимъ эти иконки вставленными въ рамы за стекло и на видныхъ мѣстахъ: „вѣдь одинъ разъ въ жиз-

ни и первый подарокъ отъ церкви“, справедливо замѣчаютъ родители. А какъ удобно справляться по записи на иконкѣ; при погребеніи, поступленіи въ школу, праздновании дня ангела, бракѣ, выдачѣ метрики и проч.! Сердечно желаемъ полнаго успѣха начатому Ильинскимъ Скитомъ дѣлу святому и полезному для церкви!

Библіографическая замѣтка.

Какъ я нашелъ истинную церковь.—*П. С. фонъ-Тидебель. С. Петербургъ 1902 года, цѣна 75 коп.*

Въ книжкѣ съ такимъ заглавіемъ бывшій приверженецъ лютеранско-протестантскаго вѣроисповѣданія, съ цѣлію убѣдить своихъ прежнихъ единовѣрцевъ, что они не принадлежатъ къ истинной церкви и узнаютъ ее только въ православіи, разсказываетъ о тѣхъ мысляхъ и чувствахъ, какія привели его къ переходу въ число чадъ православно-каѳолической церкви.

Воспитанный исключительно въ лютеранско-протестантскомъ духѣ, П. С. фонъ-Тидебель, несмотря на то, что родители и родственники его были всѣ искренно-вѣрующими лютеранами, по окончаніи курса гимназіи, углубляясь въ смыслъ лютеранской вѣроисповѣдной системы, нашелъ въ ней слишкомъ много противорѣчій и непослѣдовательностей. Первыя сомнѣнія его были о числѣ таинствъ, послѣ того какъ онъ узналъ о семи таинствахъ въ римско-катол. церкви. Изслѣдуя Св. Писаніе, онъ убѣдился, что и слово Божіе указываетъ болѣе таинствъ, чѣмъ два, признаваемыхъ лютеранами. Постоянныя встрѣчи въ Петербургѣ съ православными и католиками еще болѣе заставили г. фонъ-Тидебеля почувствовать, что «протестантизмъ придаетъ слишкомъ малое значеніе внѣшности въ религіи»... и познать вообще „большую

разницу между протестантскимъ христіанствомъ, съ одной стороны, и православнымъ и католическимъ, съ другой, уже во внѣшней жизни каждаго отдѣльнаго послѣдователя" (стр. 5). Порвавъ связь съ лютеранствомъ, хотя и неоффиціально, г. фонъ-Тидебель не могъ сразу перейти въ римскій католицизмъ, къ которому первоначально онъ чувствовалъ сильную склонность. Съ такимъ душевнымъ настроеніемъ онъ началъ посѣщать католическіе храмы, и здѣсь съ особеннымъ чувствомъ присутствовалъ при совершеніи литургіи. Но увлеченіе его католичествомъ было только временнымъ душевнымъ состояніемъ, въ продолженіе котораго умъ не переставалъ предъявлять вопросовъ объ истинности самаго римскаго католицизма. Ближайшее знакомство съ серьезными трудами римскихъ богослововъ породило мысль, что въ католицизмѣ истинно только то, что существовало до раздѣленія церквей, а изученіе лучшихъ догматическихъ и церковно-историческихъ трудовъ нашихъ православныхъ богослововъ окончательно убѣдило ищущаго истинную церковь въ томъ, что таковая есть на землѣ одна православно-каѳолическая церковь. Принявши православіе съ твердымъ убѣжденіемъ въ его истинности, г. П. С. фонъ-Тидебель желалъ разъяснить своимъ прежнимъ единовѣрцамъ, что побудило его покинуть лютеранство, но со стороны протестантовъ онъ встрѣтилъ полное непониманіе своего поступка и тѣ предразсудки, которые господствуютъ среди нихъ относительно православной церкви. Послѣднія страницы его брошюры и посвящены разсѣянію этихъ протестантскихъ предразсудковъ противъ православно-русской церкви. Въ заключеніе г. фонъ-Тидебель пишетъ: „Я приношу горячую благодарность Господу Богу за то, что Онъ милостиво далъ мнѣ познать Его истинную церковь, и я увѣренъ въ томъ, что безъ Его благой помощи я также не достигъ бы вполнѣ истиннаго уразумѣнія" (стр. 99).

Въ настоящее время, когда духовенство съ особеннымъ напряженіемъ ведетъ миссіонерское дѣло въ средѣ сектъ, обосновывающихъ свои вѣроисповѣдныя воззрѣнія протестантскими идеями, въ высшей степени полезно дѣятелямъ внутренней православной миссіи поближе ознакомиться съ интересной и поучительной книжкой г. фонъ-Тидебеля. Да и вообще эта книжка интересна съ психологической стороны, давая читателю живое и правдивое изображеніе душевныхъ настроеній человѣка въ исканіи имъ истинной земной церкви.

I. Т.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

прошеніи необходимо упомянуть о своихъ познаніяхъ по пѣнію и управленію хоромъ; при этомъ Отдѣленіе считаетъ нужнымъ присовокупить, что за преподаваніе пѣнія и управленіе хоромъ занявшій учительское мѣсто при второклассной школѣ будетъ получать добавочнаго содержанія 200 рублей въ годъ.

Редакторъ неоф. части священникъ *Ѳ. Титовъ*.
Помощникъ редактора священникъ *І. Троицкій*.

Отъ Кіевск. дух. цензур. Комитета печат. довв. 26 августа, 1902 г.
Предсѣдатель Комитета, проф. Академіи, прот. *І. Корольковъ*.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра.
Акціон. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица.

Св. Іоаннъ Златоустъ (значеніе Его въ исторіи Церкви) [1].

Торжественное собраніе Кіевскаго „Общества распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ Православной Церкви“ въ настоящемъ году совпало съ днемъ празднованія памяти Св. Іоанна Златоуста. 23-го сентября прошлаго года религіозно-просвѣтительнымъ Обществомъ совершена была закладка своего дома съ храмомъ во имя этого вселенскаго учителя и Святителя Церкви. Указанныя обстоятельства побудили насъ предложить Просвѣщенному Собранію отъ имени религіозно-просвѣтительнаго Общества рѣчь о. Св. Іоаннѣ Златоустѣ.

Жизнь Св. Іоанна Златоуста падаетъ на вторую половину IV христіанскаго вѣка, а дѣятельность—на послѣднюю четверть этого вѣка. Служеніе Его прошло въ Антіохіи и Константинополѣ; но вліяніе Его, чрезъ Его безсмертныя творенія, простирается на всю христіанскую Церковь на протяженіи пятнадцати вѣковъ Ея послѣдующаго существованія. Предки наши съ первыхъ дней своей христіанской жизни полюбили творенія Златоуста и читали ихъ послѣ Св. Писанія. Самое имя Златоуста было для нихъ синонимомъ „книж-

---

[1]) Изъ рѣчи, произнесенной на торжественномъ годичномъ собраніи Кіевскаго общества распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ православной церкви, 27 января 1902 г.

ной сладости", такъ какъ въ твореніяхъ Златоуста они находили все, что нужно для устроенія христіанской жизни на подлинно—Евангельскихъ началахъ, по духу и уставамъ Св. Церкви Православной. Потому то въ древнерусскихъ сборникахъ— „Златоструяхъ", Измарагдахъ и друг.—переведенныя мѣста изъ твореній Златоуста занимаютъ первое мѣсто. По той же причинѣ въ сборникахъ этихъ съ именемъ Златоуста являлись не рѣдко бесѣды, не Ему принадлежащія, подложныя. Древняя Русь сердцемъ своимъ отгадала, что Златоустъ всеобъемлющій духовный геній, и что въ Его богопросвѣщенныхъ трудахъ самый взыскательный умъ и безхитростная вѣра найдутъ себѣ потребную духовную пищу, особенно въ области нравственно-христіанскаго назиданія. Чрезъ свои творенія Св. Іоаннъ Златоустъ вліялъ на весь складъ древнерусской православной жизни въ семьѣ, обществѣ и церкви. Набожность и благочестіе русскаго народа, отмѣченныя даже инославными писателями, его отзывчивость на нужды и горе ближняго, милостынность, страннолюбіе, смиреніе и другія лучшія черты въ его религіозно-нравственной жизни стоятъ въ связи и нѣкоторой зависимости отъ твореній Златоуста, которыми зачитывались и на которыхъ воспитывались наши предки.

Многимъ изъ современныхъ образованныхъ христіанъ можно припомнитъ то, что 1500 лѣтъ тому назадъ Св. Исидоръ Пелусіотъ писалъ одному изъ друзей своихъ, не читавшему твореній Златоуста. „Меня чрезвычайно удивляетъ,—читаемъ мы въ этомъ письмѣ Св. Исидора,—твое невѣдѣніе о писаніяхъ Златоуста, слава которыхъ послѣ его смерти распространилась повсюду. Не знать столь прекрасныхъ твореній то же значитъ, что не видѣть солнца въ самый полдень. Возможно ли читать его сочиненія, не восхищаясь ими? Есть ли столь безчувственный человѣкъ, который бы не возблагодарилъ Провидѣніе, даровавшее міру столь великое свѣтило"?—Такъ

высоко цѣнилась личность Св. Іоанна Златоуста и Его произведенія еще его современниками. Протекшіе послѣ того 15 вѣковъ христіанской исторіи еще болѣе возвеличили имя Вселенскаго Учителя и обезсмертили Его творенія. Истинно великое никогда не умираетъ и не умаляется, напротивъ—съ вѣками становится еще болѣе великимъ и дѣйственнымъ.

Опредѣлить, по возможности, значеніе и мѣсто Св. Іоанна Златоуста въ исторіи Православной Церкви, оттѣнивши главнѣйшія черты Его жизни и нравственнаго ученія, и составитъ предметъ настоящей рѣчи.

Жизнь человѣка съ его внѣшнимъ и внутреннимъ развитіемъ, съ ея мыслями, стремленіями и всѣми нравственными отношеніями, есть исторія этого человѣка. Жизнь множества людей, соединившихся въ народъ, государство или церковь, есть исторія народа, государства или церкви. Направленіе, достоинство и продолжительность исторіи обществъ и народовъ зависятъ, главнымъ образомъ, отъ того, что поставляется на первое мѣсто въ этомъ сложномъ процессѣ человѣческой жизни, т. е. что признается за высшее благо и какими идутъ къ нему путями. Главнѣйшимъ двигателемъ исторіи всегда и вездѣ было стремленіе къ высшему благу, но самое благо это понималось и понимается различно. Одни полагали его въ политическомъ могуществѣ народа, другіе—въ свободѣ личности, иные въ умственномъ научно-философскомъ развитіи, большинство въ матеріальномъ довольствѣ. Христіанская Церковь указала это благо *въ нравственномъ совершенствѣ и спасеніи людей*.

Христіанская Церковь есть царство Божіе на землѣ, воспитывающее людей для Царства Небеснаго. Въ ней осуществляется высшее человѣческое благо, духовно-нравственное преуспѣяніе и спасеніе людей. Исторія Церкви христіанской есть, поэтому, важнѣйшая изъ исторій. Покоится она на началахъ вѣры и нравственности, открытыхъ Богомъ, значитъ

абсолютно истинныхъ и незыблемыхъ, неподлежащихъ измѣненіямъ или законамъ историческаго развитія. Но люди въ пониманіи этихъ началъ и приложеніи ихъ къ своей жизни усовершались и измѣнялись, колебались и заблуждались. И въ этой сферѣ развитія и измѣненій являлись и будутъ являться среди христіанъ лица, которыя заносятся на страницы Исторіи Церкви какъ великіе дѣятели, борцы за Ея святыя начала жизни и геніи. Златоусту среди такихъ дѣятелей въ Исторіи Христіанской Церкви принадлежитъ одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ. Жизнь Его была самоотверженнымъ подвигомъ ради высшаго блага Его духовныхъ чадъ ихъ нравственнаго преуспѣянія и спасенія. „Не о своей славѣ забочусь я,—говорилъ Св. Златоустъ своей Константинопольской паствѣ,—моя слава—ваша добрая жизнь, но о вашемъ спасеніи. „Для меня нѣтъ другой жизни, кромѣ заботы о вашемъ спасеніи“, говорилъ онъ той же паствѣ въ другой разъ.

Златоустъ готовъ былъ на какія угодно страданія, лишь бы только Церковь украшалась бо̀льшимъ и бо̀льшимъ числомъ нравственно-добрыхъ христіанъ, и сіи послѣдніе спасались.

Для всякаго времени есть свои основныя задачи, поставляемыя на первый планъ всею совокупностью фактовъ прошедшей и настоящей жизни. Лица, опредѣляющія и рѣшающія эти задачи, суть вожди своего времени. Жизнь и труды Св. Іоанна Златоуста (347—407 г.) принадлежатъ времени, „стоявшему на рубежѣ двухъ міровъ и міровоззрѣній—языческаго и христіанскаго“, и потому требовавшему отъ представителей Церкви особеннаго напряженія мысли и чувства. Дарованія, образованіе и благочестіе Св. Отцовъ и Учителей Церкви этого времени соотвѣтствовали великой задачѣ, имъ предлежавшей и состоявшей въ томъ, чтобы пріобщить ко Христу греко-римскій языческій міръ во всей его внутренней духовно-нравственной жизни, перевести его отъ міровоззрѣнія и устро-

ившейся по нему жизни языческой къ міровоззрѣнію и жизни христіанской.

Времени Златоуста предшествовали ереси Арія и Македонія, отвергавшія Божество Сына Божія и Духа Святого и грозившія ниспровергнуть христіанство въ самомъ его существѣ. Возбужденные догматическіе споры увлекали все тогдашнее общество и поглощали вниманіе лучшихъ представителей Православной Церкви въ Константинополѣ, Александріи, Антіохіи и въ другихъ центрахъ тогдашней мысли и жизни. На всемъ этомъ великомъ догматическомъ движеніи IV вѣка лежитъ печать генія Св. Аѳанасія Великаго. Дѣятельность Св. Іоанна Златоустаго падаетъ на дальнѣйшія десятилѣтія, когда аріанская ересь была исчерпана, и для Церкви наступали годы относительнаго внутренняго спокойствія, такъ сказать, „догматическаго перемирія". Вселенская заслуга Златоуста не въ догматической области,—догматы вѣры признаются имъ въ точности и неизмѣнности, какъ они были изъяснены и формулированы его великими предшественниками,—Златоустъ великъ въ Исторіи Церкви, какъ экзегетъ и нравственный учитель. Въ толкованіи Св. Писанія, какъ и во всемъ, что Златоустъ писалъ или говорилъ, нравственное назиданіе стоитъ у него на первомъ мѣстѣ. Основные догматы вѣры уже были раскрыты: по естественной послѣдовательности очередь стояла за истинами нравоученія, которыя нужно было истолковать и примѣнить къ дѣятельной жизни христіанина въ семьѣ, обществѣ и Церкви. Это было тѣмъ необходимѣе, что современное Златоусту христіанское общество пріобщилось къ христіанству лишь внѣшне и не только проводило полуязыческую жизнь, но пыталось еще возвести такую жизнь на степень должной.

Св. Іоаннъ Златоустъ явился въ исторіи Церкви борцомъ и мученикомъ за то, чтобы исповѣдники ея въ семьѣ и государствѣ, въ мірѣ и монастырѣ, въ хижинѣ бѣдняка и на

престолѣ—становились дѣйствительными послѣдователями Христу, чтобы христіанство изъ внѣшняго факта превратилось во внутреннюю нравственно-преобразующую силу. Съ церковной каѳедры, въ трактатахъ, письмахъ и примѣромъ собственной жизни Златоустъ проповѣдывалъ такое христіанство, которое свидѣтельствуется нравственно-доброю жизнію. А нравственно-доброю жизнь можетъ быть только тогда, когда она устрояется по волѣ Божіей, которая есть непреложный законъ для всего существующаго и святѣйшій для человѣка. Когда же человѣкъ поступаетъ противъ воли Божіей, т. е. на мѣсто всесвятой воли Бога поставляетъ свою, безпечную и удобопреклонную ко злу, тогда поступаетъ безнравственно, совершаетъ беззаконіе или грѣхъ. Воля Божія, по которой человѣкъ долженъ устроять свою жизнь, чтобы она была нравственно-доброю, ясно выражена въ заповѣдяхъ. А всѣ заповѣди могутъ быть сведены къ одной—къ заповѣди о любви къ Богу и ближнему, въ которой объединяются и изъ которой вытекаютъ всѣ обязанности христіана. „Начало и конецъ всякой добротели—любовь", постоянно повторялъ своимъ слушателямъ Св. Златоустъ. Самая сущность заповѣдей христовыхъ заключается въ любви; она отличаетъ христіанина отъ нехристіанина. Любовь христіанина должна быть всепрощающею и самоотверженною. Любовь сдѣлала бы то, чего не могутъ сдѣлать ни чудеса, и никакія другія дарованія. Ничто не можетъ привлекать такъ, какъ любовь. Въ виду этого должно любить врага, язычника, грѣшника и еретика, послѣднихъ—особенно, чтобы обратить ихъ къ истинѣ и послужить ихъ спасенію. Слѣдуетъ ненавидѣть грѣхъ, ересь, порочную жизнь, развращенную волю, но человѣка-грѣшника должно любить, человѣкъ есть твореніе Божіе, а заблужденіе—дѣло діавола. Апостолъ повелѣваетъ ненавидѣть худое дѣло, а не человѣка. Въ противномъ случаѣ каждый отдѣлился бы отъ большой части братіи, или даже отъ всѣхъ, ибо нѣтъ никого безъ грѣха

Моисей, ап. Павелъ ненавидѣли грѣхъ, болѣе, чѣмъ кто-либо другой изъ людей. Но за грѣшниковъ готовы были пожертвовать даже собственнымъ спасеніемъ, лишь бы только они отстали отъ грѣха и спаслись. Таково самоотверженіе истинной христіанской любви.

Любовь, по Златоусту, не есть что-либо отвлеченное, ограничивающееся мысленными только или словесными благожеланіями ближнему; она по существу своему дѣятельна и непремѣнно должна выражаться въ безконечномъ разнообразіи дѣлъ христіанскаго милосердія. Она есть дѣланье благое, благотворительность въ самомъ широкомъ значеніи этого слова, или милостыня. Милосердіе, благотворительность и милостыня у Златоуста понятія тождественныя. Такъ какъ въ ученіи именно о милостынѣ болѣе всего сказался духъ Златоуста, полнота Его творческаго генія и характернѣйшая черта его, какъ христ. нравоучителя, то мы остановимся на этомъ ученіи подробнѣе.

Въ вѣкъ Златоуста контрастъ богатства и бѣдности, безумной роскоши и самой жалкой нищеты былъ поразительный. Евангельская притча о богатомъ и Лазарѣ повторялась у воротъ почти каждаго богача. Средства для смягченія рѣзкихъ крайностей этого общественно-имущественнаго неравенства Златоустъ указывалъ въ христіанской милостынѣ. Исторія и литература древнихъ вѣковъ и новыхъ не знаютъ моралиста-оратора, который бы въ призывѣ къ милостынѣ достигъ такой изумительной живости, неистощимаго обилія мыслей и образовъ, такой неотразимой силы убѣжденія, какъ Златоустъ. Его вдохновенное краснорѣчіе, облекавшее въ плоть и кровь самыя глубокія философскія мысли, покоряло волю и сердца слушателей и было тѣмъ дѣйствительнѣе, что самъ онъ такъ поступалъ, какъ училъ другихъ. Все, что досталось ему отъ богатыхъ родителей и что получалъ онъ какъ пресвитеръ въ Антіохіи и патріархъ въ Константинополѣ, все

это употреблялось на бѣдныхъ и больныхъ. Чрезвычайно мало расходуя на себя, въ Антіохіи онъ имѣлъ на своемъ попеченіи болѣе 3000 разнаго рода неимущихъ и калѣкъ, а въ Константинополѣ до 50000. Въ Константинополѣ Златоустъ къ одной бывшей больницѣ прибавилъ нѣсколько новыхъ.

Раздаваемое бѣднымъ отдается на сбереженіе въ самомъ надежномъ мѣстѣ—на небѣ; „отданная часть освящаетъ остальное, что удерживается еще въ рукахъ". Рука бѣдняка есть жертвенникъ, на которомъ богатые могутъ приносить благоуханную жертву Богу, или сокровищница, въ которой сохраняются драгоцѣнные запасы для жизни вѣчной. Считай милостыню, говор. Злат., не за ущербъ, а за пріобрѣтеніе. Ты даешь хлѣбъ, а получаешь жизнь вѣчную; даешь одежду, а получаешь одѣяніе безсмертія; даешь пристанище подъ своимъ покровомъ, а получаешь царствіе небесное. Но скажешь, какъ я могу подавать милостыню, когда я бѣденъ?.. Богъ требуетъ не изобилія приношенія, но богатства душевнаго расположенія, которое выражается не мѣрою подаваемаго, но усердіемъ подающихъ. Ты бѣднѣе всѣхъ людей? Но ты не бѣднѣе той вдовицы (отдавшей послѣднія лепты на храмъ), которая много превзошла богатыхъ... не бѣднѣе Сидонской вдовицы". Отъ обязанности творить милостыню не освобождается никто. Но особенно она лежитъ на богатыхъ. Верховный Владѣлецъ земли и неба есть Творецъ ихъ, Богъ. Человѣкъ же является на землѣ собственникомъ не абсолютнымъ, а относительнымъ, въ смыслѣ приставника Божія, какъ бы арендаторомъ Верховнаго Владыки. Условіемъ его права на собственность служитъ арендная плата этому Владыкѣ. Но какъ платить за имущество Господу, который не нуждается ни въ хлѣбѣ, ни въ деньгахъ?... Господь,—отвѣчалъ Златоустъ,—снисходитъ къ намъ и является въ образѣ бѣдныхъ, больныхъ и т. п. Служить имъ каждому по его нуждѣ и значитъ вносить аредную плату Богу. Такая служащая любовь питаетъ, одѣваетъ, утѣ-

шаетъ въ болѣзни или въ заключеніи не другаго кого, а именно Христа. „Христосъ, читаемъ въ 15 бес. Златоуста на посл. къ Римл., не удовлетворился смертію и крестомъ, но соблаговолилъ стать нищимъ, странникомъ, безпріютнымъ, нагимъ, заключеннымъ въ темницѣ, терпѣть болѣзни, только бы тебя чрезъ это привлечь къ Себѣ. Если не вознаграждаешь Меня за то, что Я страдалъ за тебя, говоритъ Онъ, то сжалься надъ моею нищетою и тронься Моею болѣзнью, умилосердись, видя узы... Прошу не дорогаго чего-либо, но куска хлѣба, пріюта, одного утѣшительнаго слова. Сжалься, хотя по естественному чувству, видя меня нагимъ, и вспомни о той наготѣ, которую я терпѣлъ за тебя на крестѣ. Для тебя я постился, и опять для тебя же терплю голодъ. Жаждалъ, вися на крестѣ, жажду въ лицѣ нищихъ, только бы привлечь тебя къ себѣ, для твоего же спасенія и для тебя же самого хочу, чтобы накормилъ меня. Поелику сильно люблю тебя, то и желаю вкусить что-либо со стола твоего и хвалюся тѣмъ предъ лицемъ всей вселенной. Мы стыдимся того, кто насъ кормитъ, и стараемся дѣлать это неизвѣстнымъ. Но Христосъ, поелику любитъ насъ, не стыдится говорить, что мы одѣли Его, когда былъ нагъ, накормили, когда былъ голоденъ". Горячѣе, трогательнѣе и убѣдительнѣе никто въ мірѣ не говорилъ о милостынѣ, въ уклоненіи отъ которой св. Златоустъ видѣлъ не только жестокосердіе по отношенію къ бѣднымъ, но и преступленіе противъ Бога. "Богъ попустилъ тебѣ имѣть больше другихъ не для того, чтобы ты тратилъ на блудодѣяніе, и пьянство, и пресыщеніе, и дорогія одежды, и на другіе предметы роскоши, но для того, чтобы ты удѣлялъ нуждающимся. Какъ казнохранитель, получившій царскія деньги, если не раздастъ ихъ, кому приказано, а истратитъ на собственную прихоть, подвергнется наказанію и погибели; такъ и богачъ есть какъ бы пріемщикъ денегъ, слѣдующихъ къ раздачѣ бѣднымъ". Современные Златоусту богачи возражали ему, что

нищіе не заслуживаютъ состраданія, такъ-какъ большинство изъ нихъ тунеядцы, пьяницы и обманщики, преступно уродующіе себя и невинныхъ дѣтей, дабы, сидя у церковныхъ дверей и на людныхъ улицахъ, больше вызывать къ себѣ состраданія и больше получать. Выводъ отсюда дѣлали тотъ, что милостыню нужно уничтожить, ибо она потворствуетъ пороку и размножаетъ тунеядцевъ. Златоустъ не отрицалъ справедливости возраженія и съ негодованіемъ обличалъ пороки нищенства. Но на этомъ основаніи Онъ ни съ кого не снималъ обязанности быть милосердымъ и благотворить. Златоустъ шелъ дальше, искалъ причину этой самой порочности и находилъ, что она есть слѣдствіе жестокосердія и алчности богатыхъ. Самое желаніе рыться въ совѣсти обездоленнаго нищетою человѣка и выставлять напоказъ его порочность вытекаетъ, по мнѣнію св. Златоуста, не изъ желанія блага бѣдняку или стремленія цѣлесообразнѣе организовать дѣло благотворительности, а изъ скрытаго нерасположенія къ милостынѣ, т. е. изъ тѣхъ же алчности и жестокосердія. Христіанинъ долженъ подражать своему Господу, который солнце свое сіяетъ на злыя и благія и дождитъ на праведныя и неправедныя (Матѳ. 5, 45), и „не жизнь бѣднаго изслѣдовать, а помочь бѣдности и удовлетворить нуждѣ. Одно оправданіе у бѣднаго—нужда; ничего больше не спрашивай у него. Не осуждай его и не требуй отчета, но избавь отъ несчастья... Иное дѣло-судія, иное податель милостыни... Мы подаемъ не нраву, а человѣку, и жалѣемъ не за добродѣтель, а за несчастье, чтобы и самимъ намъ привлечь великую милость Господа“. Но когда и такія увѣщанія не трогали жестокосердыхъ, голосъ проповѣдника христіанской любви становился грознымъ. „Если увидишь бѣдного,—читаемъ въ 35 бес. Злат. на Ев. Матѳея,—и скажешь: мнѣ досадно, что этотъ молодой, здоровый человѣкъ... хочетъ прокормиться, живя въ праздности, а можетъ быть онъ еще бѣглый слуга, оставившій

своего господина; то все сіе примѣни къ себѣ... И ты, будучи здоровъ, живешь въ праздности и ничего не дѣлаешь изъ того, что повелѣлъ тебѣ Богъ... Впрочемъ, говоря сіе, не защищаю праздности... Напротивъ, очень желаю, чтобы всѣ занимались дѣлами, ибо праздность научила всѣмъ порокамъ, а только увѣщеваю васъ не быть немилосердыми и жестокими... Но, скажешь, нищій лжетъ и притворяется. И въ семъ случаѣ онъ достоинъ сожалѣнья, ибо дошелъ до такой крайности, что даже не стыдится такъ лгать. А мы не только не имѣемъ къ нему жалости, но еще присовокупляемъ жестокія слова: не подавали ли тебѣ и разъ и два?—Такъ чтожъ! Неужели ему не нужно опять ѣсть, потому что однажды ѣлъ? Почему ты не положишь такого же правила для своего чрева и не говоришь ему: ты сытъ былъ вчера и третьяго дня, такъ не проси нынѣ. Напротивъ, чрево свое пресыщаешь чрезмѣрно, а нищему, когда проситъ у тебя немногаго, отказываешь... Если не хочешь подать, то для чего укоряешь... Нищій приходитъ къ тебѣ, надѣясь получить врачевство, а не раны. Скажи мнѣ, если въ кого бросаютъ камни, и онъ съ раною на головѣ, весь въ крови, прибѣжитъ подъ твою защиту, ужели ты кинешь на него другимъ камнемъ и нанесешь ему другую рану?.. Для чего же ты съ бѣдными поступаешь не такъ. Ужели ты не знаешь того, сколько и одно слово можетъ или ободрить или привесть въ уныніе“ [1]). Въ отвѣтъ обличающимъ нищихъ въ притворныхъ болѣзняхъ, дрожаніи и проч. и на этомъ основаніи отказывающимъ въ милостынѣ и состраданіи, Златоустъ говорилъ: „простите, я содрогаюсь отъ гнѣва. Ты пресыщаешься, утучняешь себя, продолжаешь упиваться до глубокой ночи, нѣжишься на мягкихъ ложахъ и не думаешь отдавать отчета въ такомъ беззаконномъ употребленіи даровъ Божіихъ... а отъ несчастнаго требуешь строгаго отчета, и не боишься грознаго суда Христова? Если онъ притворяется, то по бѣдно-

сти и необходимости, по причинѣ твоего безчеловѣчія, требующаго такого притворства и иначе не преклоняющагося на милость“ 2).

Въ милостынѣ посредникомъ между дающимъ и принимающимъ и поручителемъ за бѣдныхъ является самъ Богъ. „Такъ-какъ зналъ Богъ, что бѣднякъ подвергается опасности по своей бѣдности, а имѣющій деньги подвергается опасности за свое жестокосердіе, то сдѣлалъ Себя посредникомъ, для бѣдняка сталъ поручителемъ, а для заимодавца залогомъ. Не вѣришь ты, говоритъ Онъ, бѣдняку ради его скудости, повѣрь Мнѣ ради Моего богатства. Будь благонадеженъ, Мнѣ взаймы даешь. „Послушай, гдѣ и когда воздастъ тебѣ тотъ, кто взялъ у тебя взаймы чрезъ нищаго. Когда сядетъ Сынъ Человѣческій на престолѣ славы своея и речетъ сущимъ одесную Его: пріидите, благословеніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царство.. За что?—За то, что взалкахся, и дасте ми ясти (Мат. 25, 31, 33,—6). Ни о какой другой добродѣтели не упаминаетъ Онъ, кромѣ дѣлъ милости, хотя бы могъ сказать: пріидите, благословенніи, потому что вы цѣломудренно жили, потому что сохранили дѣвство, избрали евангельское житіе, но умолчиваетъ объ этомъ не потому, чтобы не достойно было упоминанія, а потому, что эти добродѣтели ниже милостыни. А стоящимъ съ лѣвой стороны изрекъ наказаніе. За что? За то, что алкалъ, и не дали мнѣ ѣсть. Не сказалъ: за то, что воровали, лжесвидѣтельствовали, нарушили клятву; нѣтъ сомнѣнія, и это—пороки, но болѣе простительные, чѣмъ безчеловѣчіе и немилосердіе“ [1]). Милостыня, какъ и всякое другое дѣло человѣка, имѣетъ нравственную цѣну и представляетъ собою добродѣтель лишь въ томъ случаѣ, если вытекаетъ изъ соотвѣтствующаго добраго настроенія и подается изъ честно пріобрѣтенныхъ средствъ. „Когда же кто подаетъ ее принужденно, или изъ тщеславія, или неправедно пріобрѣтенное, тогда плодъ теряется“. Милостыня отъ не-

правды уже „не есть милостыня, а жестокость и безчеловѣчіе... Что за польза—обнажить одного и одѣть другого. Прежде отстань отъ хищенія и потомъ подавай милостыню“. Милостыню, вытекающую изъ чистѣйшихъ побужденій христіанской любви, и отъ трудовъ праведныхъ Златоустъ называетъ царицей добродѣтелей, предъ которой безпрепятственно отверзаются врата небесныя. „Она легка и быстролетна и предстоитъ престолу царскому. Когда мы подвергаемся суду, она внезапно прилетаетъ и избавляетъ насъ отъ наказанія“.

Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе на слушателей производили такія рѣчи св. мужа. Чѣмъ знатнѣе и богаче были слушатели, тѣмъ слово Златоуста становилось властнѣе, и призывъ къ благотворительности раздавался какъ раскаты грома. Такимъ словомъ проповѣдникъ, конечно, наживалъ себѣ смертельныхъ враговъ. Но находились среди слушателей и такіе, которые, подобно знаменитой Олимпіадѣ, Пентадіи или Никаретѣ, отдавали на дѣло благотворенія огромныя состоянія, свой трудъ, знанія и всю свою душу. Въ другихъ областяхъ христіанскаго нравоученія Златоустъ также великъ и не подражаемъ. Нѣтъ такой обязанности христіанина въ семьѣ, обществѣ или въ Церкви, нѣтъ далѣе такой грѣховной страсти и порока, которые бы не были раскрыты у Златоуста во всей ихъ нравственной красотѣ или безобразіи, живо, глубоко, образно и увлекательно. Всегда и вездѣ его нравственное ученіе евангельски чисто и ни при какихъ обстоятельствахъ не приспособлялось ко вкусамъ сильныхъ, къ политикѣ и т. п. Вездѣ онъ старается дѣйствительность поднять до евангельскаго идеала, но не наоборотъ. Говоритъ ли Златоустъ о совѣсти, о монашествѣ или брачной жизни, о молитвѣ или постѣ, о покаяніи или нераскаянномъ отчаяніи, о смиреніи или гордости, о кротости или гнѣвѣ, о зависти или осужденіи, о сребролюбіи или чистотѣ сердца, о богатствѣ или бѣдности, объ обязанностяхъ, внѣшняго или

внутренняго Богопочитанія, о клятвѣ, мученичествѣ и т. д., вездѣ вы слышите голосъ евангелія, чувствуете вѣяніе Духа Христова. Высоко ставя христіанское дѣвство и сравнивая жизнь истинныхъ христ. иноковъ съ ангельскою, Златоустъ въ то же время учитъ, что не всякое дѣвство имѣетъ нравственную цѣну, но только то, которое вытекаетъ изъ искренняго душевнаго расположенія и проводится въ чистотѣ сердца и трезвенной жизни; и что гораздо лучше служить Богу съ чистымъ и искреннимъ сердцемъ въ брачномъ состояніи, чѣмъ избѣгать брака, имѣя противоположное настроеніе сердца. Прославляя иноческую жизнь, когда она проводится въ борьбѣ съ собственными грѣхами подвижника и съ неправдами міра, въ дѣятельномъ и самоотверженномъ служеніи благу ближняго, Златоустъ не придаетъ цѣны такому монашеству, когда вмѣсто борьбы съ грѣхами въ мірѣ просто бѣгутъ отъ міра. Также и въ ученіи о постѣ Златоустъ строго отличаетъ постъ истинный отъ поста, не имѣющаго нравственной цѣны. Первый собратъ главнымъ образомъ въ воздержаніи отъ зла. „Постящемуся, училъ Златоустъ, болѣе всего нужно обуздывать гнѣвъ, изгонять нечистыя пожеланія, имѣть сокрушенное сердце. Такой то постъ будемъ содержать, не полагая его, подобно многимъ, въ томъ только, чтобы пробыть безъ пищи до вечера". Безполезенъ такой постъ, „когда отъ пищи мы воздерживаемся, а поѣдаемъ домы бѣдныхъ; когда виномъ не упиваемся, а упиваемся злою похотію; когда весь день проводилъ безъ пищи, и весь же день бываемъ на безстыдныхъ зрѣлищахъ". Убѣждая къ посту антіохійскую паству свою, Златоустъ говорилъ: „постъ разумѣю не тотъ „который содержатъ многіе, но постъ истинный,— воздержаніе не отъ пищи только, но и отъ грѣховъ. Ты постишься? докажи это дѣлами... Если увидишь врага, примирись; если увидишь красивую женщину, пройди мимо. Пусть постятся не одни уста, но и зрѣніе, и слухъ, и ноги, и руки, и всѣ члены тѣла... Ты не ѣшь мяса? Не вкушай же и гла-

зами нескромности. Пость слуха въ томъ, чтобы не принимать злословія и клеветы. „Пусть языкъ воздерживается отъ сквернословія и ругательствъ. Что за польза, когда мы воздерживаемся отъ птицъ и рыбъ, а братьевъ угрызаемъ и снѣдаемъ“.

Сужденія св. Іоанна Златоуста о театрѣ, циркѣ и др. зрѣлищахъ и общественныхъ увеселеніяхъ, которымъ современники Его по старой языческой привычкѣ охотно предавались даже въ такіе дни, какъ великая Пятница и Субота, были очень строгія. Въ театрѣ св. Златоустъ видѣлъ храмину сатаны, залъ заразы, и школу безнравственности, въ которой все соединено, чтобы губить душу—и безстыдныя женщины, и нецѣломудренныя пѣсни, и страстная музыка. Театръ наполняетъ сердца своихъ посѣтителей нечистыми образами, пріучаетъ къ праздной и разсѣянной жизни, порождаетъ холодность къ обязанностямъ семейнымъ и святому благочестію. Иначе ревнитель Евангельской чистоты нравовъ не могъ говорить, такъ какъ театральное искусство его времени было въ глубокомъ нравственномъ упадкѣ. Цинизмъ и безстыдство на театральныхъ представленіяхъ доходили до невѣроятнаго. Къ этому нужно прибавить грубость тогдашнихъ вкусовъ: зрители цирковъ и разнаго рода состязаній приходили въ дикій изступленный восторгъ при видѣ истекающаго кровью гладіатора, бойца со звѣрями и т. п.

Основное положеніе этики Златоуста то, что человѣкъ есть существо нравственно-свободное, т. е. обладающее внутреннею духовною силою или энергіею самоопредѣленія въ отношеніи къ добру и злу.

Современные Златоусту манихеи утверждали, что грѣхъ или зло коренится въ самомъ существѣ человѣческой природы, и что, поэтому, человѣку столь же натурально и неизбѣжно быть злымъ или грѣшить, сколь натурально и неизбѣжно имѣть тѣло, ѣсть, пить. Златоустъ съ особенною си-

лою настаивалъ на томъ, что зло или грѣхъ не заложены въ самую сущность человѣческой природы при твореніи, но привзошли въ человѣческую душу случайно.

Признавая вмѣстѣ со всѣми восточными отцами церкви за свободною волею человѣка нравственно-творящее значеніе, Златоустъ имѣлъ въ виду нравственный интересъ своихъ слушателей, чтобы не дать повода нравственно безпечнымъ оправдывать свои прегрѣшенія неизбѣжностью зла. Но оттѣняя свободу воли, какъ важнѣйшій факторъ нравственно-доброй жизни, Златоустъ никогда не умалялъ и не отрицалъ другого фактора этой жизни—благодати Божіей. Безъ благодати Божіей, которая есть даръ божественнаго человѣколюбія подвизающемуся, всѣ усилія человѣческой воли не привели бы къ добру. Гдѣ бы Златоустъ ни говорилъ о нравственно-доброй жизни человѣка, онъ всегда подразумѣваетъ или прямо указываетъ безусловную необходимость для возможности такой жизни благодати Божіей. Свободная воля человѣка и благодать Божія это множители, произведеніемъ которыхъ является нравственно-добрая жизнь христіанина. Человѣкъ полагаетъ начало въ своей нравственно-доброй жизни, избираетъ путь добродѣтели, устремляется къ ней; а Господь тогда идетъ навстрѣчу человѣку и совершаетъ нравственное обновленіе и спасеніе его, равно и всякій отдѣльный нравственно-добрый поступокъ его.
